

АЛЕКСЕЙ БАВАНОВ*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОНТОЛОГИИ И ЭТИКИ В ФИЛОСОФИИ В. БИБИХИНА: АВТОМАТИЧЕСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ**

Получено: 15.01.2021. Рецензировано: 15.02.2021. Принято: 22.02.2021.

Аннотация: Статья посвящена прояснению взаимосвязи этики и онтологии в философии В. Бибихина и основана на докладе, представленном автором на конференции «Вторые Бибихинские чтения» в Бежецке в 2020 году. Сам подход к текстам и идеям В. Бибихина в данной статье можно назвать герменевтическим: главным является стремление понять мысль автора, следуя за ней, но отмечая при этом сложности, с которыми она встречается. Отталкиваясь от текстов В. Бибихина, автор предпринимает попытку интерпретации значения этической проблематики в его, по существу, онтологически направленной мысли. Термины «этика» и «онтология» используются в значении специфических областей сущего (этической и онтологической), открываемых философской мыслью. Было показано, что фундаментальное философское настроение, мысль и поступок имеют для В. Бибихина онтологический статус, а идея автомата лежит в основе всех трех феноменов. Под автоматом понимается самодвижущийся, спонтанный процесс развития жизни (живой материи), которая всегда проходит через кризис амеханики, что в корне отличает ее от искусственно созданных автоматов. Автоматическая нравственность, как проявление живого автомата, заключается в спонтанности поступка, который не выбирают и который разворачивается из настоящей — то есть автоматической — мысли, имеющей онтологический, а не гносеологический характер. Однако не только моральный поступок (этика) зависит от онтологии (автомата мысли, мира), но и сам мировой автомат требует от человека определенного этоса, открытости его явленности. Таким образом, онтология и этика в мысли В. Бибихина взаимно обуславливают друг друга.

Ключевые слова: В. Бибихин, онтология, этика, автомат, философское настроение, мысль, поступок.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-126-135.

В данной работе я хочу показать, что в мысли В. Бибихина этика (как поведение индивида, практика в сфере моральных поступков) есть продолжение онтологии¹, а эта последняя в свою очередь обусловлена опре-

*Бабанов Алексей Вячеславович, к. филос. н., младший научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук (Москва), babanovaleksey@gmail.com, ORCID: 0000-0001-5559-4924.

**© Бабанов, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Термины этика и онтология не имеют здесь значения философских дисциплин. Речь идет о разных, но связанных друг с другом «измерениях» одного бытия, в которое

деленным этосом². Взаимозависимость этики и онтологии я попытаюсь прояснить через раскрытие термина «автоматическая нравственность».

Если исходить из лекционных курсов «Правда» («Онтологические основания этики») и «Лес» (*hyle*), можно сказать так: нравственный поступок есть реализация генетических природных программ (что не исключает себя этих программ, например, программы заботы о потомстве), которые лежат в основе человеческого бытия, включенного в целостность рода, природы, мира. В. Биbihин сближает этику с аристотелевской этологией — наукой «о поведении живого, включая человека» (Онтологические основания правды, 2001), основывающейся на особом понимании сущности живого. Генетическая программа, как и мир в целом, понимается В. Биbihиным, исходя из идеи «автомата» — самосущего (изнутри себя спонтанно развивающегося, самодвижущегося, существующего посредством себя, «само собой») — в отличие от искусственно созданных и настраиваемых человеком автоматов-машин³. В этом контексте добродетели и поступки человека, культура в целом есть продолжение автомата живого, а шире — автомата мира.

На мой взгляд, все главные темы философии В. Биbihина «закольцованы», то есть отсылают друг к другу, связаны между собой по смыслу. Сложно говорить о чем-то одном, ведь неизбежно вырываешь это из контекста целого. Однако, говоря о любой теме его мысли, в том числе об «автоматической нравственности», нужно иметь в виду, что эта мысль всегда как бы пронизана философским настроением, рождается из него. Я разделяю убеждение, что философствовать можно только будучи захваченным самими вещами, то есть в особом настроении, самосознании. Это может быть сознание себя, своей жизни как вопроса, на который настоятельно нужно искать ответ («Жизнь, зачем ты мне дана?» (Пушкин, 1959: 208)), или понимание своего несовпадения с привычной жизнью, отстраненности от нее и даже от самого себя (гамлетовская свобода решать: быть или не быть). Мир и жизнь вопрошающего открываются в нем в таком настроении как вопрос вопросов,

включен человек. Этика (или этическое измерение) относится к поведению, поступкам, а онтология — к пониманию устройства бытия (в том числе и к устройству поведения индивида).

² «Этосом» в значении внутреннего усилия, нравственной установки.

³ Опозиция живого автомата и механического проходит красной нитью через весь лекционный курс «Лес», посвященный живой материи (Биbihин, 2011: 30, 33, 36, 93, 96–97, 99, 229–230, 233–234).

как загадка, тайна. М. Хайдеггер называет подобное расположение духа фундаментальным философским настроением (Хайдеггер, Бибахин и др., 2013: 30–31). Оно, конечно, не является единственным в своем роде: это может быть ностальгия (как тоска по утраченному дому⁴), скука⁵, тревога, ужас, отчаяние⁶, и конечно же, удивление или изумление. Последнее выражается в простом человеческом вопросе: почему все есть и есть именно так, а не иначе? Во всех своих разновидностях фундаментальное настроение проявляется как умное расположение «к» целому (нацеленное «на» него), захваченное бытием целого мира и своей жизнью в нем (что моя жизнь такое, зачем она?).

Такие настроения как бы останавливают привычное течение жизни, вырывают из обыденности с ее механическими привычками мыслить и действовать. Амехания философии была темой не только В. Бибахина (из отечественных мыслителей, с творчеством которых я знаком, об этом по-своему думали и писали М. К. Мамардашвили (Мамардашвили, 2014: 254–256, 458) и А. В. Ахутин (Ахутин, 1997: 133–134). На мой взгляд, наиболее философским из перечисленных выше случаев философского настроения и близким мысли В. Бибахина является изумление. Изумление как начало философствования можно выразить такими словами: совершенно неясно, что такое мое существование в мире, «зачем-откуда-почему» есть мир в целом, не просто отдельные его области (которые могут быть объяснены в соответствующих им науках). В изумлении перед миром, перед тем фактом, что он есть, человек впадает в растерянность амехании, замирания, неделания. Изумление как точка амехании есть начало философствования (вспомним, например, что об этом сказано у Платона⁷ или Аристотеля⁸) и одновременно «место» встречи с целым миром. Именно в изумлении как в приостановке искусственных (онтологически не подлинных, говоря языком

⁴В таком ключе М. Хайдеггер трактует изречение поэта Новалиса (Хайдеггер, Бибахин и др., 2013: 28–31).

⁵См. обстоятельный разбор скуки как настроения современности у М. Хайдеггера (там же: 105–260).

⁶В этих настроениях родились и ими «заражают» читателя многие произведения С. Кьеркегора, Ф. М. Достоевского, Л. И. Шестова, А. Камю и других представителей экзистенциальной мысли.

⁷«Ведь удивляться присуще прежде всего философу. Это именно начало философии, а не что другое» (Платон, Сerezников, 1936: 41).

⁸«Ибо вследствие удивления люди и теперь, и прежде начинали философствовать» (Аристотель, Первов и Розанов, 2006: 35).

М. Хайдеггера) механизмов планирования и регулирования собой и миром человек оказывается захваченным «каменной задумчивостью»⁹, решается на полноту настоящего мига, выдерживая или нет всю головокругительную неопределенность «есть», постоянно ускользающего бытия. Для В. Бибихина амехания как слом любых навыков и стратегий приводит, что на первый взгляд может показаться парадоксальным, ко встрече с настоящим автоматом, который всегда уже действует помимо любых сознательных усилий и схем рассудка. Кроме спонтанности или «самодвижности» живой автомат отличается от механического еще и «провалом в амеханию», прохождением через кризис, смерть, апорийную ситуацию невозможности действовать: «...разницу между машиной и машиной мы можем уловить отчетливее: живой автомат включает фазу амехании, зависания» (Бибихин, 2011: 229).

Проявлениями автомата мира являются также различные «автоматизмы» в поведении человека. Например, речь для взрослого человека — это, безусловно, «автоматический» навык: когда мы говорим, предложения развертываются сами собой. Сознание, как некий управляющий и направляющий фактор (интенция), может вмешиваться в уже сформированный навык речи, и тогда происходят сбои, так же как при его вмешательстве может сбиваться привычный ритм дыхания, становится искусственной мимика лица. Задача школы, культуры в целом — довести любую сознательную деятельность до автоматизма, чтобы она происходила спонтанно, сама собой, не требуя лишней затраты энергии и усилия сознательного регулирования. Однако ясно, что без последнего нет самого процесса обучения, который требует постоянных попыток и ошибок, оттачивания навыка.

Стоит подчеркнуть, что для В. Бибихина природный автомат не является синонимом бессознательного действия. Оппозиция сознание — бессознательное практически не используется им в этом контексте. Он мыслит автомат в рамках другой оппозиции: естественное — искусственное. Автомат — это именно самодвижущееся, самодействующее целое, естественным путем развертывающееся. Естественным автоматом является весь мир и сознание, конечно же, тоже, так как оно включено в автомат мирового целого. Однако с сознанием не все так просто: сознание человека современной цивилизации полагает себя отдельным от целого, тем самым оказываясь неподлинным и искусственным. То есть

⁹Как В. Бибихин не раз характеризует амеханию В. Розанова (Бибихин, 2003: 134, 254–255, 257).

сознание и естественно, и искусственно, смотря какой аспект этого феномена открывается философскому вниманию. Подобная полярная двойственность смысла самых важных философских понятий или «вещей» усматривается В. Бибихиным во многом: в культуре, государстве, истине.

Подлинное или естественное — это автомат мира, каков он есть или каким все само кажет себя в мысли, а неподлинное или искусственное — это интеллектуальная конструкция, ходячий стереотип, требующий разбора и тем не менее имеющий реальную власть, влияние на умы и образ жизни людей. Таким образом, по-настоящему, «по правде» сознание только мнит себя отдельным от мира, однако преодолеть эту мнимость оно не в силах, потому что она принадлежит его сути. Тотальная искусственность, поддельность и сделанность сознания и культуры вообще не снимаются окончательно тем, что они же могут открыться взгляду как естественные и подлинные, то есть как автоматы. Проблема личного сознания, или самосознания субъекта, не совпадающего с собой и миром, встает в мысли В. Бибихина во всей своей странности и неразрешимости.

Однако можно ли говорить про моральную ответственность, если наше сознание — это автомат, включенный в космическое целое? И как в таком случае обстоит дело со свободой воли: не является ли она всего лишь иллюзией? На мой взгляд, для ответа на эти вопросы необходимо рассмотреть понимание В. Бибихиным свободы. Для него свобода есть необходимость особого рода: увидеть и выбрать «свое», собственное, родное (как известно, философскому разбору этих «слов» В. Бибихин уделяет целые курсы). В лекционном курсе, посвященном этике, В. Бибихин пишет (Онтологические основания правды, 2001):

Онтологическая этика, имея дело не с тем, что должно быть, а с тем, что есть, позволяет осмыслить свободу как необходимый поступок. Успех обязателен для нас. Мы обречены на это условие своей жизни.

Для человека успехом (и единственно возможной свободой) будет открытие, узнавание «своего»¹⁰, понятого как мир, а не как возможность выбора или отказа от него.

Свобода воли, обычно понимаемая как свобода выбирать из ряда возможностей, способна оказаться не только самообманом, но и просто бесперспективным для человека делом, если его задача и самая высшая

¹⁰ «Гляди на вещь, пока не увидишь в ней свое; пока не убедишься, что она ты сам; пока не узнаешь себя» (Бибихин, 2003: 360).

бытийная перспектива как живого существа — узнать себя и спастись в полноте бытия, ведь такую полноту невозможно обрести по выбору, «перебором возможностей». Автоматизм свободы — в ее спонтанности, в безусловной необходимости поступить так, а не иначе, бросить себя на свое, пожертвовать собой, что, конечно, полностью не исключает отклонений и сбоев в поведении (например, мать может не только не защитить своего ребенка, бросив его в ситуации опасности, но и убить его). Для человека, способного внимать-понимать-видеть, поступок всегда вторичен по отношению к мысли, к тому, как и в чем он увидел «свое», должное, правду.

В философии В. Бибихина речь идет о мысли как событии, а не произведении человека. Или по-другому: В. Бибихину интересна мысль как событие, а не как продукт сознания, которое пытается эту мысль поймать и отрефлексировать. Сознание, понимаемое мыслителем как отражение или бесконечная рефлексия, есть своего рода информационный шум (рябь на воде бытия), своей активностью мешающий услышать мелодию мира, собственного присутствия. Если оно вдруг становится неактивным, утихает, то может наступить опыт целого мира, который открывается через амеханию, допущение миру и мысли быть такими, как они есть или как случились. В изумлении существованием мира философскому вниманию открывается тот факт, что подлинная мысль тоже автомат: она «приходит и уходит» сама. Наше внимание ее только замечает (схватывает то, чем уже захвачено) либо нет: мы ее не творим, не создаем ухищрением ума или волевым усилием. Скорее усилие нужно, чтобы не сорваться в конструирование мысли, в схематизацию и интеллектуализацию, в анализ (зачастую бесплодный, лишаящий мысль энергии). Потому единственно необходимым будет усилие остаться при удивлении, «не делать лишних движений». Спонтанность автомата мысли в том, что она сама рождается, а мы даем ей место, не мешаем своим сознанием и его интеллектуальным инструментарием. Дать мысли самой сказаться — один из главных мотивов философии М. Хайдеггера. Он также близок многим направлениям поэзии, для которой мысль — это событие, случающееся внезапно. Так понятая мысль требует чуткой открытости и ожидания.

Так же как мысль, возникшая и захватившая нас в фундаментальном философском настроении, по-настоящему может быть только спонтанной, так и подлинный поступок может спонтанно вытекать из мысли, быть ее концом, завершением (удачным или нет), плодом. Поэтому из настоящей, захватывающей мысли (у В. Бибихина онтологический,

а не гносеологический статус мысли) человек «оступается в поступок» спонтанно, автоматически (Бибахин, 2015: 10):

Внезапная решимость, благородная способность поступать просто входит в мысль как само существо мысли. Мысль это то опасное, откуда один шаг до поступка, или даже не шаг, а мысль это то, откуда люди оступаются в поступок.

Полнота морального поступка проявляется в его полном автоматизме (вспомним евангельское изречение: «...пусть левая рука твоя не знает, что делает правая», Мф 6: 2–4), ставшем бессознательной привычкой, или же, когда речь идет о ситуациях сознательного выбора, в чувстве необходимости поступить именно так, а не иначе (когда говорят: «не могу иначе»). Такое понимание морали несколько перекликается с позицией Ф. Ницше, который полагает обоснование морали, выведение ее на суд рационального анализа, начало которому в античности положил Сократ, явным симптомом слабости и вырождения, кризиса ценностей, реализация которых перестала быть культурной привычкой, перейдя в область крайне ненадежного в сравнении с природными программами сознательного регулирования¹¹. Однако для нас как сознательных существ автоматическая привычка всегда поступать морально является скорее некой смысло-жизненной перспективой, «эйдосом», который затягивает нас в себя, но который ничем нам не обеспечен.

Таким образом, если мое изложение верно, для В. Бибахина поступок, моральное поведение (этика), не является чем-то отличным от автомата мира (онтологии): моральный поступок хотя и следует «по времени» развертывания из онтологически первичных автомата настроения и мысли, он сам также является онтологическим феноменом автомата целого (одним из его аспектов). Может возникнуть закономерный вопрос: стоит ли считать автоматически развертывающийся поступок моральным, то есть вменяемым человеку как субъекту, несущему за него ответственность? Или автомат — спонтанность живого существа за пределами морали, не мыслимой без идеи свободного выбора и ответственности?

Для меня очевидно, что без некоторого этоса хранения фундаментального настроения, чуткости, усилия обратить внимание (сместить взгляд)

¹¹В книге «Воля к власти» есть несколько ярких мест на эту тему, в частности такая заметка: «Какое же значение имела, в таком случае, реакция Сократа, который рекомендовал диалектику как путь к добродетели и насмеялся над моралью, которая не была в состоянии логически оправдать себя? Но ведь последнее и есть ее достоинство. Лишенная бессознательности — куда она может годиться!» (Ницше, 2005: 251)

для человека нет онтологически первичного феномена автомата, он (живой автомат мира) остается «заслонен» для нашего взгляда искусственным культурным расписанием, привычными интеллектуальными штампами и конструктами. В этом смысле от нас как от ответственных акторов все-таки зависит многое. Можно даже сказать, что для В. Биbihина онтологический аспект мира невозможен без этического, без этоса открытости целому.

В то же время чуткое хранение нетронутым настроения захваченности целым само вписано в это целое, само есть мировой автомат, точка амехании или узнавания себя — а значит, оно не вполне зависит от нашего усилия (вспомним о том, что самые важные вещи имеют для В. Биbihина двойной смысл). По сути, единственное, по мысли В. Биbihина, моральное требование к человеку, выражающееся в необходимости вернуться к утраченному тождеству с миром, узнать себя в нем и тем самым обрести бытийную полноту, невыполнимо обычным усилием воли, с помощью которого мы решаем жизненные и интеллектуальные проблемы. Человек обязан стать тем, кем он, в сущности, уже является — перед нами апорийная ситуация амехании. Остается только чутко ждать: решение может само прийти изнутри этой апорийной ситуации. Но это скорее дело «божественной благодати», чем сознательного усилия человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель*. Метафизика / пер. с древнегреч. П. Д. Первова, В. В. Розанова. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
- Ахутин А. В.* Тяжба о бытии. Сборник философских работ. — М. : Русское феноменологическое общество, 1997.
- Биbihин В. В.* Другое начало. — СПб. : Наука, 2003. — (Слово о сущем ; 47).
- Биbihин В. В.* Лес / сост. О. Е. Лебедевой. — СПб. : Наука, 2011. — (Слово о сущем ; 92).
- Биbihин В. В.* Узнай себя. — СПб. : Наука, 2015. — (Слово о сущем ; 119).
- Мамардашвили М. К.* Психологическая топология пути. — М. : Фонд Мераба Мамардашвили, 2014.
- Ницше Ф.* Воля к власти : Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцконт, Т. Гейликман, М. М. Рубинштейна. — М. : Культурная Революция, 2005.
- Онтологические основания правды / Владимир Биbihин. — 2001. — URL: https://www.bibikhin.ru/ontologicheskie_osnovaniya_pravdy%5C#p4292 (дата обр. 29 дек. 2020).
- Платон*. Теэтет / пер. с древнегреч. В. Серезникова. — М. : СОЦЭКГИЗ, 1936.

Хайдеггер М. Основные понятия метафизики : мир — конечность — одиночество / пер. с нем. В. В. Бибикина, А. В. Ахутина, А. П. Шурбелева. — СПб. : Владимир Даль, 2013.

Babanov, A. V. 2021. "Vzaimosvyaz' ontologii i etiki v filosofii V. Bibikhina: avtomaticheskaya nravstvennost' [The Correlation Between Ontology and Ethics in V. Bibikhin's Philosophy: Automatic Morality]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (1), 126–135.

ALEKSEY BABANOV

PHD IN PHILOSOPHY, JUNIOR SCIENTIFIC ASSOCIATE

INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0001-5559-4924

THE CORRELATION BETWEEN ONTOLOGY AND ETHICS IN V. BIBIKHIN'S PHILOSOPHY: AUTOMATIC MORALITY

Submitted: Jan. 15, 2021. Reviewed: Feb. 15, 2021. Accepted: Feb. 22, 2021.

Abstract: The article is devoted to clarifying the relationship between ethics and ontology in the philosophy of V. Bibikhin and based on a report made at the conference "Second Bibikhin Readings" in Bezhetsk in 2020. The very approach to the texts and ideas of V. Bibikhin can be called hermeneutic: the main thing is the effort to understand the author's thought, following it, but noting at the same time the difficulties it encounters. Based on the texts of V. Bibikhin, an attempt is made to interpret the meaning of ethical problems in his essentially ontologically oriented thought. The terms ethics and ontology are used in the meaning of specific areas of existence (ethical and ontological), revealed by philosophical thought. It was shown that the fundamental philosophical mood, thought and deed have an ontological status for V. Bibikhin, and the idea of an automaton is the basis of all the three phenomena. An automaton is understood as a self-propelled, spontaneous process of life (living matter) development, which always goes through a crisis of amechania, which fundamentally distinguishes it from artificially created automata. Automatic morality, being a manifestation of a living automaton, consists in the spontaneity of an act that does not choose that cannot be chosen and which is launched from the present, that is, an automatic thought that has an ontological, not an epistemological character. But not only a moral deed (ethics) depends on ontology (the automaton of thought, the world), but the world automaton itself requires a certain ethos from a person, the openness of its explicitness. Thus, ontology and ethics in V. Bibikhin's thought mutually condition each other.

Keywords: V. Bibikhin, Ontology, Ethics, Automaton, Philosophical Mood, Thought, Deed.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-126-135.

REFERENCES

Akhutin, A. V. 1997. *Tyazhba o bytii. Sbornik filosofskikh rabot [Struggle about Being. A Collection of Philosophical Works]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Russkoye fenomenologicheskoye obshchestvo.

- Aristotle. 2006. *Metafizika [Metaphysics]* [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by P. D. Pervov and V. V. Rozanov. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- Bibikhin, V. V. 2003. *Drugoye nachalo [Another Beginning]* [in Russian]. Slovo o sushchem 47. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2011. *Les [The Wood]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Slovo o sushchem 92. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2015. *Uznay sebya [Know Yourself]* [in Russian]. Slovo o sushchem 119. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Heidegger, M. 2013. *Osnovnyye ponyatiya metafiziki [Die Grundbegriffe der Metaphysik]: mir — konechnost' — odinochestvo [Welt — Endlichkeit — Einsamkeit]* [in Russian]. Trans. from the German by V. V. Bibikhin, A. V. Akhutin, and A. P. Shurbelev. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Mamardashvili, M. K. 2014. *Psikhologicheskaya topologiya puti [Psychological Topology of the Path]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Fond Meraba Mamardashvili.
- Nietzsche, F. 2005. *Volya k vlasti [Wille zur Macht]: Opyt pereotsenki vsex tsennostey [Versuch einer Umwertung aller Werte]* [in Russian]. Trans. from the German by E. K. Gertsyk, T. B. Geylikman, and M. M. Rubinshteyn. Moskva [Moscow]: Kul'turnaya Revolyutsiya.
- “Ontologicheskiye osnovaniya pravdy [Ontological Foundations of Truth]” [in Russian]. 2001. Vladimir Bibikhin. Accessed Dec. 29, 2020. https://www.bibikhin.ru/ontologicheskie_osnovaniya_pravdy#p4292.
- Plato. 1936. *Teetet [Theaetetus]* [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by V. Serezhnikov. Moskva [Moscow]: SOTs·EKGIZ.